

Из серии рассказов о первых священно- и церковнослужителях куреня Полтавского и не только, часть 3. Не мытьем, так катаньем.

Удивительно сознавать, что документы, с которыми мне удалось познакомиться, как ушли 200 лет назад из рук наших черноморцев по инстанциям, так и лежали в ожидании человека, который ими заинтересуется и сдует с них пыль веков. Эти рукописи позволили мне проследить дальнейшую судьбу героев предыдущих глав, вероятно, именно этого они от меня и хотели.

Тот, кто «появился и исчез», на самом деле оказался без вины пострадавшим и нашелся.

«Великому господину Высокопреосвященнейшему Гаю Архиепископу Астраханскому и Кавказскому и Кавалеру.

Находящегося ныне в Черноморской округе безместного Священника Кондрата Диаковского. Прошение.

В прошлом 1819 году Его Высокопреосвященством Иовом Архиепископом Екатеринославским и Кавалером принят я по прошению моему из Киевской в Екатеринославскую епархию и определен в селение Полтавское к Обрезанской церкви вторым священником, где находясь того же года с 6 ноября по 9 января сего 1820 года отправлял должность мою во всем соответственно сану моему. А потом оному же Высокопреосвященству благоугодно было меня в рассуждении открытых на сотоварища моего старшего священника Григория Стрешенко дел, от оного прихода устранить и выдать мне из Екатеринодарского духовного правления открытый указ для приискания себе праздного (свободного – Е.С.) места, но по многим моим заботам и попечениям я не успел этого сделать. Екатеринодарским духовным правлением откомандирован в селение Мышастовское к Вознесенской церкви для исправления прихожанам ее христианских треб и для священнослужения,

*где и ныне нахожусь. Веду себя честно и добропорядочно, не был никогда под следствием и судом, равно и штрафованным. Удаление меня от полтавской Обрезанской церкви последовало не по каким-либо моим порокам или неблагоприятной жизни, а потому что я будучи в Екатеринославской епархии только несколько месяцев, не имел еще в поведении положенного [авторитета-Е.С.] помянутым Преосвященнейшим: перевести на место мое в Полтавское другого священника в честном поведении **испытанного**, который бы надзирал за поведением бывшего сотоварища моего священника Стрешенко. Для того, прилагая при сем данное мне от мышастовских прихожан о поведении моем свидетельство, ваше Высокопреосвященство всепокорнейше прошу уважить бедное мое состояние и семейство мое в 6 душах состоящее, из коего 10-летнего сына моего Федора должен я вскоре представить в семинарию для учения и то, что я никогда не был под следствием и судом, а решение об устранении меня от полтавского прихода последовало без малейшего моего порока и вины, то и прошу определить меня к помянутому мышастовскому приходу при коем ныне священническое место состоит праздно, о чем учинить милостивейшее Архипасторское благорассмотрение и резолюцию.*

О сем просит священник Кондрат Диаковский, 4 августа 1820 года».

Письмо Диаковского было адресовано в Астраханскую консисторию, а все предыдущие, с которыми мы познакомились (последнее датировано июнем) в Екатеринославскую, значит, переход Екатеринодарского духовного правления из одной консистории в другую произошел примерно в июле месяце 1820 года.

После получения письма священника Диаковского Астраханская духовная консистория указом от 23 октября 1820 года затребовала от Екатеринодарского духовного правления справку о его службе и поведении. Началась долгая переписка. Может, поэтому в формулярах за 1822 год священника Диаковского не было. Но в конце концов его к Вознесенской

церкви Мышастовского селения определили, чему я очень рада, так как опасалась, что его быстрое исчезновение из клира связано со смертью.

Вот уж судьба! Перевез семью из Чигиринского уезда Киевской губернии на Кубань, прослужил два месяца и был отстранен от прихода лишь из-за неприязненных отношений между священником Стрешенко и Екатеринодарским духовным правлением. В рапорте атамана Матвеева в Екатеринославскую епархию была просьба о переводе Стрешенко в другой приход в подчинение особо благонадежного священника, но консистория повелела, найдя такого священника, перевести его в Полтавское селение для наблюдения за образом жизни Стрешенко и заботе к исправлению тамошней церкви. Как мы уже знаем, никто из священников перейти в полтавское селение не захотел. И результат получился по поговорке: хотели как лучше, а получилось как всегда. Священника Диаковского 9 января 1820 года устранили, священника Стрешенко 3 июня 1820 года отрешили, в результате чего селение Полтавское осталось без священника.

Гонения на Стрешенко продолжились, имя его узнали и в Астраханской консистории.

1 марта 1821 года Екатеринодарское Духовное правление отправило рапорт в Астраханскую Духовную Консисторию, в котором подробно описало дело, открытое на священника Стрешенко по прошению Атамана Матвеева в 1819 году и о наказании, которое назначила ему Екатеринославская консистория Указом от 3 июня 1820 года. А оно было таким: священника отрешили от его настоящего места в селении Полтавском и отправили на два месяца в Екатеринодарский собор с тем, чтобы первый месяц употребляем он был с запрещением священства в причетническую должность с пользованием ежедневно, кроме праздничных дней, по двадцати пяти поклонов земных, а другой месяц справлял ежедневное священнослужение без получения доходов, а далее его должны были определить к другому месту под надзор

благонадежного священника или дать ему, если пожелает, свидетельство на поиск такого места самому.

В исполнение сего священник Григорий Стрешенко определенную ему 2-х месячную епитимию закончил и был вызван в Правление, где ему выдали 4 ноября 1820 года письменное свидетельство на один месяц *«для приискания в черноморской округе праздного для себя священнического места, но он и поныне, чему прошло почти уже четыре месяцев, не только не озаботился о месте для себя, но пребывает праздно в доме своем, не занимается, как войсковая канцелярия от 25 февраля уведомила сие правление сообщением, в церкви богослужением и исправлением прихожанам христианских треб, чрез что умирающие тамошние жители и в лазарете воинские чины погребаются самими простолюдинами, а с новорожденными детьми ездят в другие приходы»*.

Интересно! А как же мог отрешенный от прихода священник заниматься исправлением христианских треб в этом приходе?

«Из селения приезжает он, Стрешенко, в Екатеринодар для произведения каких-то предосудительных своих намерений в действие». Очень хотелось бы узнать, к кому ездил священник Стрешенко? Кто был «нашим» человеком в столице края?

«При той означенной Обрезанской церкви за 1820 год метричных книг, щет (счет – Е.С.) церковной суммы и формулярных о себе ведомостей, за неоднократными предписаниями и подтверждениями ему лично подписать, по упрямству своему, грубости и неповиновению, в чем он издавна замечен, не захотел».

А по формулярным за 1820 год священник Стрешенко показан 52 лет, женат, детей не имеет, в Семинарии не обучался.

Благочинным протоиереем отмечен «поведения доброго, пьянственной страстью не заражен, но начальству непокорен, штрафован: в 1809 за

ослушность и другие поступки 200-ми поклонами (дело по прошению есаула Слепухи – Е.С.); в 1810 за ложное донесение на Духовное правление 10 рублями денег (такой случай в предыдущих делах описан не был, не придумали его благочинный Красницкий? – Е.С.), в 1816 году – чтобы впредь был воздержан от ослушности обязан подпискою; в 1818 году находился под судом за разные соблазнительные и противозаконные поступки, но по решению консистории оставлен без взыскания. В 1820 году за занятие себя неприличными деяниями отрешен от полтавского прихода и взят был в собор на два месяца с тем, чтобы один с запрещением священнослужения употреблен он был в причетническую должность с положением земных поклонов, а другой отправлял ежедневное служение и затем был обязан подпискою о препровождении впредь жизни соответственной служителю христианской церкви».

«О сем оной духовной консистории на благорассмотрение всепочтейнейше представляем и покорнейше просим: как в сей раз поступить со священником Стрешенком, занимающимся своими предосудительными прихотями, а о приискании же другого для себя места по самонадеянности, грубости и упрямству своему нимало не заботящимся, снабдить резолюцию указом.

Первоприсутствующий войсковой протоиерей и кавалер Кирилл Россинский. Присутствующий – протоиерей Димитрий Грузин. Присутствующий священник Василий Шелестов. Губернский секретарь Степанов».

27 августа 1821 года, через 6 месяцев, после написания рапорта, Екатеринодарское духовное правление получило Указ из Астраханской консистории следующего содержания: «о внушении отрешенному от Полтавского Обрезанского прихода священнику Григорию Стрешенку, чтобы он выполнил в три дня требования сего правления об отыскании себе праздного священнического места, в противном же случае о высылке его чрез

Светскую команду в оную Духовную консисторию». 25 сентября 1821 года. И по оному указу надлежащее исполнение учинено быть имеет».

Прошло 9 месяцев. И началось зеркальное отражение событий 1819-1820 годов.

Тональность рапортов Екатеринопдпрского Духовного правления в отношении священника Стрешенко резко изменилась.

«Великому господину высокопреосвященнейшему Аврааму Архиепископу астраханскому и кавказскому и кавалеру. От Екатеринодарского духовного правления.

3 июля 1822 года сие правление получило прошение от прихожан Обрезанской церкви селения Полтавского об определении к ней отрешенного от оной священника Григория Стрешенко, а 10 июля сообщение из комитета, учрежденного в войске черноморском для водворения переселенцев, о необходимости иметь в селении Полтавском священника.

*Сообщения в подлиннике при сем на архипасторское благорассмотрение всепочтейнейше представляя докладываем, что священник Стрешенко отрешен от Полтавского прихода по указу Екатеринославской консистории 3 июня 1820 года за противозаконные и предосудительные его поступки, о чем Астраханской Духовной Консистории 2 марта 1821 года из правления отрапортовано. На место же его хотя и командирован был Калниболотской Георгиевской церкви священник **Роман Белый**, но побыв там около года по прошению был отпущен к прежнему его месту. Полтавский приход поручен ныне под надзор Гривенской Николаевской церкви священников **Пантелеймона Колесникова** и **Василия Федорова**.*

Протоиерей Димитрий Грузин 10 июля 1822 года.

Протоиерей Россинский и священник Шелестов не подписали за отбытием 1-го в Астрахань и 2-го в пустынь по учиненному делу».

Приведу характеристики упомянутых священников, один из которых в 1836 году станет штатным священником полтавского селения, из знакомого нам журнала за 1822 год, с описанием какого состояния и поведения они были.

«Роман Белый, 39 лет, не худого, пьянственной страстью не заражен, в должности исправен, не штрафован.

Пантелеймон Колесников, 54, доброгo, пьянственной страстью не заражен, не штрафован. 1821 году за уверение в перевенчании незаконного брака священником Бардадымовым посылкою в черноморскую пустынь на годичную епитимию.

Василий Федоров, 32. Хорошего, пьянственной страстью не заражен и не штрафован».

А сейчас познакомимся с прошениями, указанными в рапорте.

В Екатеринодарское Духовное Правление.

Полтавского куренного общества. Прошение.

Священник Стрешенко находился при Полтавской Обрезанской церкви для исправления по духовному сану треб с 1796 года по 1820 год, а в оном [году] по какому-то делу от оной [церкви] отрешен. И хотя и прислан был духовным правлением в наше селение к Обрезанской церкви священник Роман Белый для исправления таковых треб, но в сем июне месяце, бросивши приход, пошел на прежнее свое место в Калниболотское селение.

Водворенные в Полтавское селение переселенцы обоего пола, 1840 душ, и прихожане часто имеют болезненные припадки, требуют всегда исповедей и причастия святых тайн, а с новорожденными младенцами для окрещения, по неимению священника, ездят в другие приходы.

Всепокорнейше просим оное духовное правление священника Григория Стрешенка, яко оный во всю его бытность при нашей Обрезанской церкви исправлял требы без малейшего упуцения по обряду христианскому, по желанию нашему к нашей церкви во всегдашнее

исправление треб определить. О чем не оставить учинить милостивое рассмотрение и в резолюцию повелением.

К сему прошению куренной атаман Андрей Жук, сельский (атаман) Федор Ермоленко, козаки: Федор Кошик, Матвей Заец, Никифор Полтавец, Емельян Р...., Осип Ковтун, Захарий Телега, Василь Соловей, Андрей Кучма, Ефим Скряга, Леонтий Марченко, Гаврило Голуб, Яким Литвин, Яким Голуб, Кирилл Ванжа, Иван Шумейко, Павло Ванжа, Герасим Задорожный, Иван Солоп, Василь Чмиль, Иван Лысенко, Данило Середа, Иосиф Ленски, Микита Задирака, Конон Попка, Сидор Телега, Иван Гапон, Андрей Кладка, Иван Кондра, Игнат Савицкий, Иван Задирака, Иван Лысенко, Фома Малый, из переселенцев: Каленик Симоненко, Куприян Кашипор, Павел Ульяшенко, Сидор Леоненко, Касьян Ващенко, Федор [Минин] Захарченко (1776-1824, мой пра(3)дедушка – Е.С.), Сила Сизонов, Михаил Кутя и Федор Захарченко, а вместо их неграмотных с рукоданной просьбы руку приложил сотенный есаул Кучеря.

Из комитета, учрежденного в войске черноморском для водворения переселенцев 6 июля 1822 года.

В этом комитете был заслушан рапорт смотрителя полтавского селения есаула Мороза, в котором повторялись проблемы, изложенные в прошении прихожан: высокая смертность среди переселенцев и воинских чинов, находящихся на излечении в полтавском госпитале, которые по неимению священника остаются без исповеди и причастия Святых тайн, а новорожденные младенцы без крещения. Поэтому «он (есаул Мороз – Е.С.) нашел себя принужденным трудить к крещению такового священника Григория Стрешенка с просьбами». Как хотите, так и понимайте!

Комитет определил: «с приложением рапорта полкового есаула Мороза сообщить в оное духовное правление и **требовать** дабы благоволило о прикомандировании в селение Полтавское священника для исправления по

долгу христианства треб, сделать свое распоряжение без промедления времени, и кто командирован будет сей комитет уведомить».

А что же это за комитет был такой?

В 1820 году, проводивший ревизию Черноморского казачьего войска Начальник Главного Штаба 2-й (Южной) армии генерал-майор П. Д. Киселев в своем рапорте, направленном в Комитет Министров, отмечал повсеместное уменьшение населения и разорение казачьего хозяйства. Эту проблему, по его мнению, можно было решить следующим образом: «На обширном пространстве занимаемой войском Черноморским земли умножить число жителей, переселением из Малороссии еще двадцати пяти тысяч казаков по прежнему примеру...». 20 апреля 1820 года император Александр I одобрил данный проект.

В 1821 году началось организованное властями второе массовое переселение малороссов на Кубань. Войсковая канцелярия распорядилась размещать переселенцев по селениям в домах старожилых казаков впредь до устройства ими собственных и рекомендовала переселенцам воздерживаться от употребления в пищу рыбы и раков, наблюдение за ними в санитарном отношении поручило главному войсковому медику Прохоровичу, штаб-лекарям Чекановскому и **Эфибовскому**, возглавлявшему полтавский военный лазарет, и лекарскому помощнику сотнику Рубашевскому. Для помощи войсковой канцелярии и создан был комитете по водворению переселенцев.

Переселение это было сопряжено с большими трудностями. Само войско в это время испытывало острую нехватку хлеба и не могло оказать посильную помощь всем нуждающимся, так как 1819, 1820 и 1821 годы были неурожайные вследствие сильных засух, а в последнем налетевшая на войсковую землю во множестве саранча истребила не только хлеб, но и травы. Генерал Власов, объезжая Черноморию, писал: «переселенцы выглядели отощавшими и нуждались, главным образом, в пище, потому что многим нечего было есть».

Еще одна беда, поджидавшая прибывших, болезни. Войсковой лекарь Прохорович доносил войсковому атаману, что при объезде селений Черноморского войска он нашел большое число заболевших лихорадкой, нервной горячкою и поносом. Причины этого: недостаток пищи и одежды, непривычка к новому климату и воде, теснота в жилищах, в некоторых из которых помещалось иногда по 20 душ, отсутствие отдельных домов для помещения трудно больных и недостаток медикаментов.

Первая партия переселенцев достигла пределов Черноморского войска 30 августа 1821 года. В курень Полтавский, население которого состояло из **1235 душ обоего пола** (662 мужчин и 573 женщин), переселенцы начали прибывать с конца апреля, а последняя партия достигла предназначенное им место в середине ноября **1822 года**.

В переписи, составленной в 1824 году по прибывшим в полтавское селение, значилось: в путь из Малороссии (Черниговской и Полтавской губерний) отправилось **1850 человек** (981 мужчин, 869 женщин), родилось от начала переселения до переписи - 125 человек, умерло **в пути** – 135, в **Черномории** – 323, из них мужчин 215. В пути умерли среди прочих переселенцев мои пра(4раза)дедушка и пра(4раза)бабушка, а уже достигнув Черномории – три моих пра(3)дедушки. И это я отметила только прямых предков, а ведь были еще и двоюродные, и троюродные.

Налицо на момент переписи в 1824 годы количество переселенцев составило **1525 человек** (801 мужчин и 724 женщин), и это с родившимися младенцами. Количество умерших составило 450 человек, то есть четвертую часть от отправившихся на переселение в Черноморию. Потери были колоссальными. Не было семьи, которая не потеряла кого-то из родных.

Что еще потрясает - количество прибывших было больше количества проживающих в курене. Как наши предки справились с этим? Но эту тему пока оставляю для отдельной статьи. Высокая смертность, сужу по исследованию

восьми своих родовых фамилий, продолжалась и после переписи 1824 года. Как же нужен был священник, который бы поддержал и утешил, но:

«Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается».

Через четыре месяца, **15 ноября 1822 года**, Екатеринодарское духовное правление получило указ из Астрахани от 21 октября, в котором говорилось об *отказе прихожанам Полтавской Обрезанской церкви в их просьбе с определением к ним священника Григория Стрешенко.*

Вместе с этим указом астраханская консистория затребовала представить справку: «а на каком основании отрешен означенный священник и где теперь проживает?», а также предписывала прихожанам полтавского селения избрать себе другого пастыря и просить об определении его к ним.

«О, Господи!» - подумала я - «Когда же эта переписка закончится? И я, и мои читатели уже устали, а предки-то в Полтавском ждут священника. И что там в Астраханской консистории происходит? Ведь 30 октября 1821 года Екатеринодарское духовное правление отправило им подробное описание того, за что был отрешен Стрешенко, а они опять его требуют». Как оказалось, было там вот что:

<p>Гай (Токаов) – епископ Астраханский и Кавказский (с 10.01.1808 г.; скончался 20.02.1821 г.).</p> <p>Иона (Василевский) – епископ Астраханский и Кавказский (с 22.04.1821 г.; с 01.10.1821 г. – экзарх Грузии).</p> <p>Авраамий (Шумилин) – епископ Астраханский и Кавказский (с 29.10.1821; с 07.05.1824 г. – архиепископ Ярославский и Ростовский).</p> <p>Мефодий (Пишнячевский) – епископ Астраханский и Кавказский (с 27.06.1824 г.; с 30.09.1825 г. – архиепископ Псковский, Лифляндский и Курляндский).</p>
--

Время написания первого рапорта (01.03.1821) нашего духовного управления с вопросом: «**А что же делать со священником Стрешенко?**» и ответа на этот вопрос (27.08.1821 года) из духовной консистории о приказании священнику в течение трех дней подыскать себе место, совпало со временем пребывания на посту главы этой епархии Епископа Ионы, а сменивший его

Епископ Авраамий, скорее всего, был не в курсе дел с нашим священником, и по новой потребовал все документы.

3 декабря 1822 года Екатеринодарское духовное правление всепокорнейше рапортует в астраханскую консисторию: *«оный Стрешенко за противозаконные его поступки от полтавского прихода по указу Екатеринославской консистории 3 июня 1820 года отрешен и по исполнении им двухмесячной в здешнем соборе епитимии, которую он уже кончил, определить его к другому месту или дать ему буде он пожелает на приискание такого самому свидетельство, которое ему хоть и выдано было 4 ноября 1820 года сроком на один месяц, но он места для себя не отыскав, ныне проживает в доме своем, состоящем в полтавском селении. А вновь же такового свидетельства правление сие после указа Правительствующего синода 1821 года июля 26 не имеет права выдать без особого оной Духовной консистории предписания. И покорнейше испрашивает о разрешении предписания».*

А далее послушники Астраханской консистории предоставляют этот рапорт: *«Великому Господину Высокопреосвященнейшему Аврааму Архиепископу Астраханскому и Кавказскому и Кавалеру от Астраханской консистории. 20 января 1823 года.*

Доклад, полученный в сей консистории из Екатеринодарского духовного правления, а именно: рапорт со справкою, на каком основании отрешен священник Стрешенко при сем и с делом представляем вашему Высокопреосвященству на благорассмотрение».

И прямо на этом докладе рукой Авраама написано: *«Как прихожане доселе не представляют другого кандидата к занятию при их церкви священнического места, а нужда в оном огромна: то впредь до рассмотрения определить к их церкви просимого ими священника Стрешенко. 21 января 1823 года».* Ура! Ну хоть какая-то подвижка! И надежда, что теперь в

полтавском курене умирающие получают все необходимые христианские требы, младенцев покрестят и бракосочетающихся обвенчают.

И летит из Астрахани прямо в руки священника Стрешенко: *«Указ из консистории находящемуся при Обрезанской Полтавского селения церкви безместному священнику Григорию Стрешенку: сия консистория во исполнение предписания его Высокопреосвященства Авраама архиепископа Астраханского и Кавказского и кавалера приказали: согласно прошению помянутой Обрезанской церкви прихожан определить вас к их церкви священником **впредь до рассмотрения**, на что вам дать указ. Каковой дан с тем, чтобы вы, будучи при оной церкви в должности своей поступали по силе регламента и поданной вам настоящего чина грамоте, по получении указа объявить и благочинному **16 марта 1823 года**».*

Интересно, какие чувства выражало лицо нашего священника, когда он объявлял об этом указе и грамоте благочинному Красницкому?

И еще, также рукой Авраама на докладе было написано следующее: *«не то дело представлено: ибо по сему делу священник оправдан. По благочиннической ведомости значится, что по касающемуся до него в 1820 году делу Стрешенко отрешен от прихода. Представьте сие дело».* Очень интересно, представляя «не то дело» Екатеринодарское духовное правление сделало это специально? Ведь задача, которая перед ним теперь стояла - вернуть священника Стрешенко на его место. Либо все-таки это была случайность?

Священника Стрешенко определили на его место «до рассмотрения», и это, конечно, была еще не полная победа. Что же дальше? Помните, с чего вся эта история началась? С прошение Атамана Матвеева в Екатеринославскую духовную консисторию. И закончилась она рапортом все того же Атамана, но уже в Астраханскую духовную консисторию.

«Великому господину Преосвященнейшему Аврааму Архиепископу Астраханскому и Кавказскому и Кавалеру.

*Войска Черноморского Войскового Атамана полковника Матвеева.
Рапорт.*

Полтавского селения общество чрез местное свое начальство прислало мне прошение в коем объясняя, что находившийся с 1796 года при их церкви священник Григорий Стрешенко, хотя за некоторые поступки сану его неприличные Духовной властью в 1819 году и отрешен от церкви с тем чтобы удалить его из их селения и определить в оное другого священника, но как он Стрешенко остается и по сие время в том селении и занимается преподаванием нужных христианских треб и Богослужением с особливим против прежнего усердием и старанием, не входя ни в какие не принадлежащие ему дела, то общество находя его после таковой перемены образа жизни, для себя полезным, надеется иметь в нем в полном смысле доброго пастыря, заботящегося о благе душ христианских и старания о церкви Божией, просят моего ходатайства об оставлении по прежнему в их полтавском селении священника Стрешенко.

Мне самому известно, что сей священник исправил себя в поведении во всех отношениях и я в уважении сего и просьбы об нем полтавского общества, осмеливаюсь ваше высокопреосвященство всенижайше просить не оставить архипасторскою милостию об оставлении священника Стрешенка по прежнему в полтавском селении без перевода из оногo, и о том не оставить на сие милостивейшею вашего высокопреосвященства резолюцией и удостоить меня архипасторского уведомления.

Полковник Матвеев., 24 февраля 1823 года, Екатеринодар.

Рукой Авраама на этом рапорте написано: «по желанию прихожан и по одобрению господина Войскового атамана определить священника Стрешенка по прежнему к Обрезанской церкви, обязав его подпискою: чтобы вел себя сообразно своему званию; чтобы имел попечение о построении церкви и по крайней мере не далее, как чрез два года непременно к тому приступил. Если же в сей срок не приступит к постройке церкви, будет навсегда

отрешен от места, как нерадивый. Сверх сего благочинному поручить иметь над ним особенный надзор, и по третям года рапортовать к нам о его поведении, а по истечении двухгодичного срока и о том, приступил ли он к построению церкви или нет».

На основании этой записи послушники **10 апреля 1823** года написали указ, об определении к Полтавской Обрезанской церкви безместного священника Григория Стрешенка и обязанности его подпискою в обстоятельствах указа изъясненных. Сей указ в Екатеринодарском правлении сего мая 7 числа получен. И выполнение одного указа Благочинному протоиерею Красницкому предписано.

Присутствующий Протоиерей Димитрий Грузин.

Присутствующий священник Василий Шелестов. **9-го мая 1823** года.

Прошло чуть менее 3-х лет, и наш священник не мытьем, так катаньем возвратился к своей церкви.

Продолжение следует.

01.04.2024 года

Елена Сабур

